

Глава I

В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, словом, все те, которых называют господами средней руки. В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод. Въезд его не произвёл в городе совершенно никакого шума и не был сопровождён ничем особенным; только два русских мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нём.

— Вишь ты, — сказал один другому, — вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?

— Доедет, — отвечал другой.

— А в Казань-то, я думаю, не доедет?

— В Казань не доедет, — отвечал другой. Этим разговор и кончился. Да ещё, когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застёгнутая тульской булавкою с бронзовым

пистолетом. Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукой картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошёл своей дорогой.

Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют в русских трактирах, живым и вертлявым до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо. Он выбежал проворно с салфеткой в руке, весь длинный и в длинном демикотонном¹ сюртуке со спинкою чуть не на самом затылке, встряхнул волосами и повёл проворно господина вверх по всей деревянной галдарее² показывать ниспосланный ему богом покой. Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов, и дверью в соседнее помещение, всегда заставленную комодом, где устраивается сосед, молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего. Наружный фасад гостиницы отвечал её внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен и оставался в темно-красных кирпичиках, ещё более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний был выкрашен вечною жёлтою краскою; внизу были лавочки с хомутами, верёвками и баранками. В угольной из этих лавочек, или, лучше, в окне, помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно бы подумать, что на окне стояло два са-

¹ Демикотон — плотная хлопчатобумажная ткань. (Прим. ред.)

² Галдарея — галерея (искаж.). (Прим. ред.)

мовара, если б один самовар не был с чёрною, как смоль, бороною.

Пока приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемодан из белой кожи, несколько поистасканный, показывавший, что был не в первый раз в дороге. Чемодан внесли

кучер Селифан, низенький человек в тулупчике, и лакей Петрушка, малый лет тридцати, в просторном подержанном сюртуке, как видно с барского плеча, малый немного суровый на взгляд, с очень крупными губами и носом. Вслед за чемоданом внесён был небольшой ларчик красного дерева, с штучными выкладками из карельской берёзы, сапожные колодки и завёрнутая в синюю бумагу жареная курица. Когда всё это было внесено, кучер Селифан отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка стал устраи-

ваться в маленькой передней, очень тёмной конурке, куда уже успел притащить свою шинель и вместе с нею какой-то свой собственный запах, который был сообщён и принесённому вслед за тем мешку с разным лакейским туалетом. В этой конурке он приладил к стене узенькую трёхногую кровать, накрыв её небольшим подобием тюфяка, убитым и плоским, как блин, и, может быть, так же замаслившимся, как блин, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покамест слуги управлялись и возились, господин отправился в общую залу. Какие бывают эти общие залы — всякий проезжающий знает очень хорошо: те же стены, выкрашенные масляной краской, потемневшие вверху от трубочного дыма и залоснённые снизу спинами разных проезжающих, а ещё более туземными купеческими, ибо купцы по торговым дням приходили сюда сам-шест и сам-сём испивать свою известную пару чаю; тот же закопчённый потолок; та же копчёная люстра со множеством висящих стеклышек, которые прыгали и звенели всякий раз, когда половой бегал по истёртым клеёнкам, помахивая бойко подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу; те же картины во всю стену, писанные масляными красками; словом, всё то же, что и везде; только и разницы, что на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал. Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно в какое время, откуда и кем привезённых к нам в Россию, иной раз даже нашими вельможами, любителями искусств, накупившими их в Италии, по совету вёзших их курьеров. Господин скинул с себя картуз и размотал с шеи шерстяную, радужных цветов косынку, какую женатым приготавливает своими руками супруга, снабжая приличными наставлениями, как

закутываться, а холостым — наверное не могу сказать, кто делает, бог их знает: я никогда не носил таких косынок. Размотавши косынку, господин велел подать себе обед. Покамест ему подавались разные обычные в трактирах блюда, как-то: щи с слоёным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких недель, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярка жареная, огурец солёный и вечный слоёный сладкий пирожок, всегда готовый к услугам; покамест ему всё это подавалось, и разогретое и просто холодное, он заставил слугу, или полового, рассказывать всякий вздор о том, кто содержал прежде трактир и кто теперь, много ли даёт дохода и большой ли подлец их хозяин; на что половой по обыкновению отвечал: «О, большой, сударь, мошенник!» Как в просвещённой Европе, так и в просвещённой России есть теперь весьма много почтенных людей, которые без того не могут покушать в трактире, чтоб не поговорить с слугою, а иногда даже забавно пошутить над ним. Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы; он с чрезвычайною точностью расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, — словом, не пропустил ни одного значительного чиновника; но ещё с большею точностию, если даже не с участием, расспросил обо всех значительных помещиках, сколько кто имеет душ крестьян, как далеко живёт от города, какого даже характера и как часто приезжает в город; расспросил внимательно о состоянии края: не было ли каких болезней в их губернии, повальных горячек, убийственных каких-либо лихорадок, оспы и тому подобного, и всё так и с такою точностию, которая показывала более, чем одно простое любопытство. В приёмах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, как труба. Это, по-видимому, совершенно

невинное достоинство приобрело, однако ж, ему много уважения со стороны трактирного слуги, так что он всякий раз, когда слышал этот звук, встряхивал волосами, выпрямливался почтительнее и, нагнувши с вышины свою голову, спрашивал: не нужно ли чего? После обеда господин выкушал чашку кофею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую в русских

трактирах вместо эластической шерсти набивают чем-то чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник. Тут начал он зевать и приказал отвести себя в свой номер, где, прилѣгши, заснул два часа. Отдохнувши, он написал на лоскутке бумажки, по просьбе трактирного слуги, чин, имя и фамилию для сообщения, куда следует, в полицию. На бумажке половой, спускаясь с лестницы, прочитал по складам следующее: «Коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим надобностям». Когда половой всё ещё разбирал по складам записку, сам Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, как казалось, удовлетворѣн, ибо нашѣл, что город никак не уступал другим губернским городам: сильно била в глаза жѣлтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных. Дома были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень красивым, по мнению губернских архитекторов. Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов; местами сбивались в кучу, и здесь было заметно более движения народа и живости. Попадались почти смытые дождѣм вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Фѣдоров»; где нарисован был бильярд с двумя игроками во фраках, в какие одеваются у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену. Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько вывороченными назад руками и косыми ногами, только что сделавшими на воздухе антраша¹. Под всем этим было написано: «И вот заведение». Кое-где просто на улице стояли столы с орехами, мылом и пря-

¹ Антраша́ — затейливый прыжок в танцах. (*Прим. ред.*)

никами, похожими на мыло; где харчевня с нарисованною толстою рыбою и воткнутою в неё вилкою. Чаше же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: «Питейный дом». Мостовая везде была плоховата. Он заглянул и в городской сад, который состоял из тоненьких деревьев, дурно принявшихся, с подпорками внизу в виде треугольников, очень красиво выкрашенных зелёною масляною краскою. Впрочем, хотя эти деревья были не выше тростника, о них было сказано в газетах при описании иллюминации, что «город наш украсился, благодаря попечению гражданского правителя, садом, состоящим из тенистых, широковетвистых деревьев, дающих прохладу в знойный день», и что при этом «было очень умильно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности и струили потоки слёз в знак признательности к господину градоначальнику». Расспросивши подробно будочника¹, куда можно пройти ближе, если понадобится к собору, к присутственным местам, к губернатору, он отправился взглянуть на реку, протекавшую посредине города, дорогою оторвал прибитую к столбу афишу, с тем, чтобы, пришедши домой, прочесть её хорошенько, посмотрел пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой следовал мальчик в военной ливрее, с узелком в руке, и, ещё раз окинувши всё глазами, как бы с тем, чтобы хорошо припомнить положение места, отправился домой прямо в свой номер, поддерживаемый слегка на лестнице трактирным слугою. Накушавшись чаю, он уселся перед столом, велел подать себе свечу, вынул из кармана афишу, поднёс её к свече и стал читать, прищуря немного правый глаз. Впрочем, замечательного немного

¹ Б у д о ч н и к — полицейский, стоявший на посту у караульной будки. (Прим. ред.)

было в афишке: давалась драма г. Коцебу, в которой Ролла играл г. Поплевин, Кору — девица Зяблова, прочие лица были и того менее замечательны; однако же он прочёл их всех, добрался до цены партера и узнал, что афиша была напечатана в типографии губернского правления, потом перевернул на другую сторону — узнать, нет ли и там чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протёр глаза, свернул опрятно и положил в свой ларчик, куда имел обыкновение складывать всё, что ни попадалось. День, кажется, был заключён порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей¹ и крепким сном во всю насосную завёртку, как выражаются в иных местах обширного русского государства.

Весь следующий день посвящён был визитам; приезжий отправился делать визиты всем городским сановникам. Был с почтением у губернатора, который, как оказалось, подобно Чичикову, был ни толст, ни тонок собой, имел на шее Анну², и поговаривали даже, что был представлен к звезде, впрочем, был большой добряк и даже сам вышивал иногда по тюлю. Потом отправился к вице-губернатору, потом был у прокурора, у председателя палаты, у полицеймейстера³, у откупщика⁴, у начальника над казёнными фабриками... жаль, что несколько трудно упомнить всех сильных мира сего; но довольно сказать, что приезжий оказал необыкновенную деятельность насчёт визитов: он явился даже

¹ К и с л ы е щ и — род шипучего кваса. (*Прим. ред.*)

² Т. е. носил на мундире у воротника орден Святой Анны второй степени (в виде креста). «...Был представлен к звезде» — к ордену Святой Анны первой степени; его носили на груди на муаровой ленте. (*Прим. ред.*)

³ П о л и ц е й м е й с т е р — начальник городской полиции. (*Прим. ред.*)

⁴ О т к у п щ и к — предприниматель, приобретший за деньги исключительное право пользоваться какими-нибудь государственными доходами, например право торговать водкой. (*Прим. ред.*)

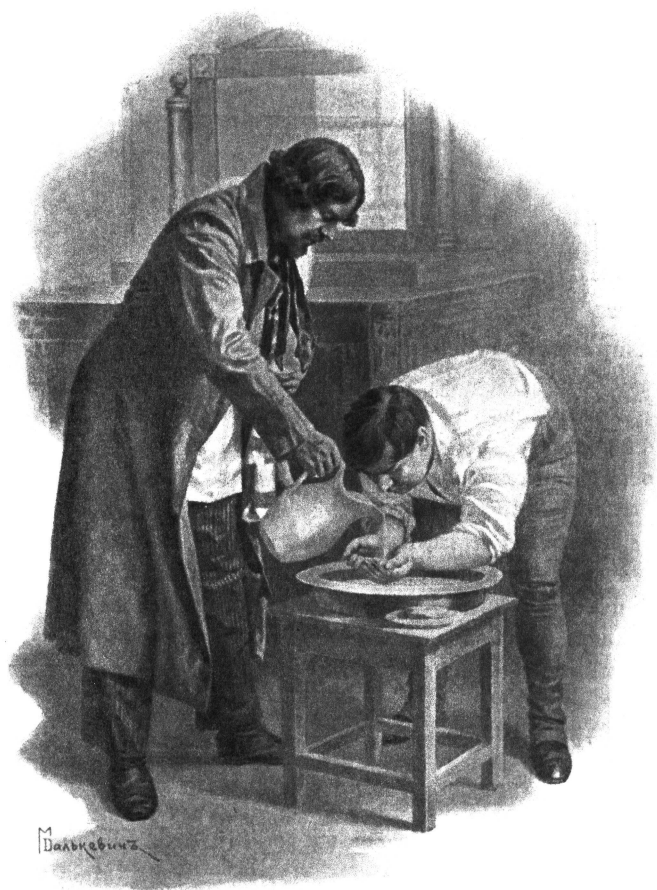
засвидетельствовать почтение инспектору врачебной управы и городскому архитектору. И потом ещё долго сидел в бричке, придумывая, кому бы ещё отдать визит, да уж больше в городе не нашлось чиновников. В разговорах с сими властителями он очень искусно умел польстить каждому. Губернатору намекнул как-то вскользь, что в его губернию въезжаешь как в рай, дороги везде бархатные, и что те правительства, которые назначают мудрых сановников, достойны большой похвалы. Полицеймейстеру сказал что-то очень лестное насчёт городских будочников; а в разговорах с вице-губернатором и председателем палаты, которые были ещё только статские советники, сказал даже ошибкою два раза «ваше превосходительство»¹, что очень им понравилось. Следствием этого было то, что губернатор сделал ему приглашение пожаловать к нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочие чиновники тоже, с своей стороны, кто на обед, кто на бостончик², кто на чашку чаю.

О себе приезжий, как казалось, избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с заметною скромностию, и разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что он незначащий червь мира сего и недостойн того, чтобы много о нём заботились, что испытал много на веку своём, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищет избрать наконец место для жительства, и что, прибывши в этот город, почёл за неперемный долг засвидетельствовать своё почтение первым его чиновникам. Вот всё, что узнали в городе

¹ «Ваше превосходительство» — в Российской империи обращение к чиновникам 3-го и 4-го классов, то есть тайных и действительных статских советников; к чиновникам 5-го класса (статским советникам) обращались «ваше высококордие». (*Прим. ред.*)

² Б о с т ó н — карточная игра. (*Прим. ред.*)

об этом новом лице, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринке. Приготовление к этой вечеринке заняло с лишком два часа времени, и здесь в приезде оказалась такая внимательность к туалету, какой даже не везде видывало. После небольшого послеобеденного сна он приказал подать умыться и чрезвычайно долго тёр мылом обе щеки, подперши их изнутри языком; потом, взявши с плеча трактирного слуги полотенце, вытер им со всех сторон

Малькович

полное своё лицо, начав из-за ушей и фыркнув прежде раза два в самое лицо трактирного слуги. Потом надел перед зеркалом манишку, выщипнул вылезшие из носу два волоска и непосредственно за тем очутился во фраке брусничного цвета с искрой. Таким образом одевшись, покатился он в собственном экипаже по бесконечно широким улицам, озарённым тощим освещением из кое-где мелькавших окон. Впрочем, губернаторский дом был так освещён, хоть бы и для бала; коляски с фонарями, перед подъездом два жандарма, форейторские крики вдали, — словом, всё как нужно. Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный. Всё было залито светом. Чёрные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда старая ключница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движением жёстких рук её, подымающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые лёгким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостью старухи и солнцем, беспокоящим глаза её, обсыпают лакомые куски, где вразбитую, где густыми кучами. Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу расставляющим лакомые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только показать себя, пройтись взад и вперёд по сахарной куче, потереть одна о другую задние или передние ножки, или почесать ими у себя под крылышками, или, протянувши обе передние лапки, потереть ими у себя над головою, повернуться и опять улететь и опять прилететь с новыми докучными эскадронами. Не успел Чичиков осмотреться, как уже был схвачен под руку губернатором, который представил его тут

же губернаторше. Приезжий гость и тут не уронил себя: он сказал какой-то комплимент, весьма приличный для человека средних лет, имеющего чин не слишком большой и не слишком малый. Когда установившиеся пары танцующих притиснули всех к стене, он, заложивши руки назад, глядел на них минуты две очень внимательно. Многие дамы были хорошо одеты и по моде, другие оделись во что бог послал в губернский город. Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни тоненькие, которые всё увивались около дам; некоторые из них были такого рода, что с трудом можно было отличить их от петербургских: имели так же весьма обдуманно и со вкусом зачёсанные бакенбарды, или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лиц, так же небрежно подседали к дамам, так же говорили по-французски и смешили дам так же, как и в Петербурге. Другой род мужчин составляли толстые или такие же, как Чичиков, то есть не так, чтобы слишком толстые, однако ж и не тонкие. Эти, напротив того, косились и пятились от дам и посматривали только по сторонам, не расставляя ли где губернаторский слуга зелёного стола для виста¹. Лица у них были полные и круглые, на иных даже были бородавки, коекто был и рябоват; волос они на голове не носили ни хохлами, ни буклями², ни на манер «чёрт меня побери», как говорят французы; волосы у них были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закруглённые и крепкие. Это были почётные чиновники в городе. Увы! Толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда; их

¹ В и с т — карточная игра. (Прим. ред.)

² Б у к л и — завитки волос, локоны. (Прим. ред.)

существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадёжно. Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а всё прямые, и уж если сядут где, то сядут надёжно и крепко, так что скорей место затрещит и угнётся под ними, а уж они не слетят. Наружного блеска они не любят; на них фрак не так ловко скроен, как у тоненьких, зато в шкатулках благодать божия. У тоненького в три года не остаётся ни одной души, не заложенной в ломбард; у толстого спокойно, глядь — и явился где-нибудь в конце города дом, купленный на имя жены, потом в другом конце другой дом, потом близ города деревенька, потом и село со всеми угодыями. Наконец толстый, послуживши Богу и государю, заслуживши всеобщее уважение, оставляет службу, перебирается и делается помещиком, славным русским баарином, хлебосолом, и живёт, и хорошо живёт. А после него опять тоненькие наследники спускают, по русскому обычаю, на курьерских всё отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышления занимали Чичикова в то время, когда он рассматривал общество, и следствием этого было то, что он наконец присоединился к толстым, где встретил почти все знакомые лица: прокурора с весьма чёрными густыми бровями и несколько подмигивавшим левым глазом, так, как будто бы говорил: «Пойдём, брат, в другую комнату, там я тебе что-то скажу», — человека, впрочем, серьёзного и молчаливого; почтмейстера, низенького человека, но остряка и философа; председателя палаты, весьма рассудительного и любезного человека, — которые все приветствовали его как старинного знакомого, на что Чичиков раскланивался несколько набок, впрочем не без приятности. Тут же познакомился он с весьма обходительным и учтивым помещиком Маниловым и несколько неуклюжим на взгляд Собакевичем, который с первого раза ему наступил на ногу, сказавши: «Прошу

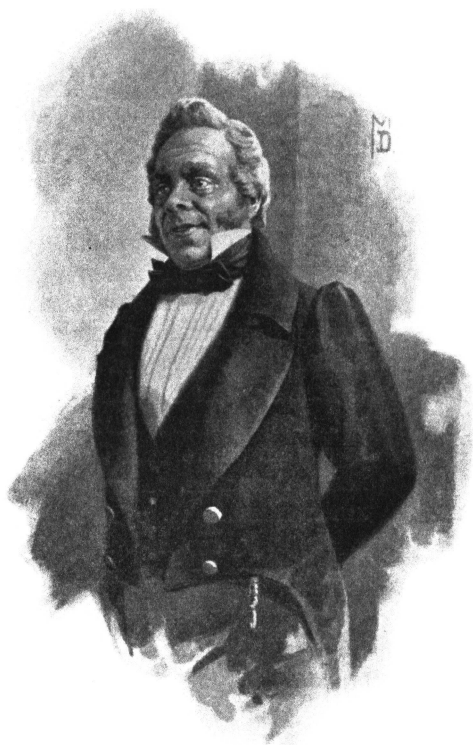
прощения». Тут же ему всунули карту на вист, которую он принял с таким же вежливым поклоном. Они сели за зелёный стол и не вставали уже до ужина. Все разговоры совершенно прекратились, как случается всегда, когда наконец предаются занятию дельному. Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тот же час выразил на лице своём мыслящую физиономию, покрыл нижнею губою верхнюю и сохранил такое положение во всё время игры. Выходя с фигуры, он ударял по столу крепко рукою, приговаривая, если была дама: «Пошла, старая попадья!», если же король: «Пошёл, тамбовский мужик!» А председатель приговаривал: «А я его по усам! А я её по усам!» Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения: «А! Была не была, не с чего, так с бубён!», или же просто восклицания: «Черви! червоточина! пикенция!», или «Пикендрас!

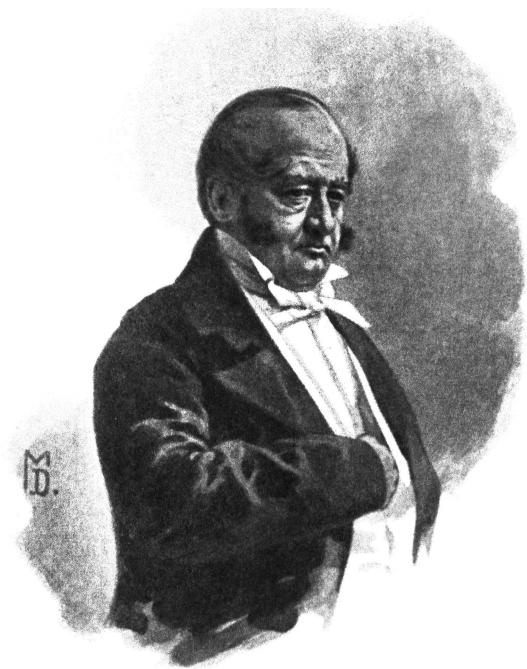

пичурущих! пичура!» и даже просто: «Пичук!» — названия, которыми перекрестили они масти в своём обществе. По окончании игры спорили, как водится, довольно громко. Приезжий наш гость также спорил, но как-то чрезвычайно искусно, так что все видели, что он спорил, а между тем приятно спорил. Никогда он не говорил: «Вы пошли», но «Вы изволили пойти, я имел честь покрыть вашу двойку», и тому подобное. Чтобы ещё более согласить в чём-нибудь своих противников, он всякий раз подносил им всем свою серебряную с финифтью¹ табакерку, на дне которой заметили две фиалки, положенные туда для запаха. Внимание приезжего особенно заняли помещики Манилов и Собакевич, о которых было упомянуто выше. Он тотчас же осведомился о них, отозвавши тут же не-

¹ Ф и н и ф т ь — эмаль, белая или цветная стекловидная масса для покрытия металлических изделий. (Прим. ред.)

сколько в сторону председателя и почтмейстера. Нескольких вопросов, им сделанных, показали в госте не только любознательность, но и основательность; ибо прежде всего расспросил он, сколько у каждого из них душ крестьян и в каком положении находятся их имения, а потом уже осведомился, как имя и отчество. В немного времени он совершенно успел очаровать их. Помещик Манилов, ещё вовсе человек не пожилой, имевший глаза сладкие, как сахар, и шутивший их всякий раз, когда смеялся, был от него без памяти. Он очень долго жал ему руку и просил убедительно сделать ему честь своим приездом в деревню, к которой, по его словам, было только пятнадцать вёрст от городской заставы. На что Чичиков с весьма вежливым наклоением

головой и искренним пожатием руки отвечал, что он не только с большою охотою готов это исполнить, но даже почтёт за священнейший долг. Собакевич тоже сказал несколько лаконически: «И ко мне прошу», шаркнувши ногою, обутою в сапог такого исполинского размера, которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особливо в нынешнее время, когда и на Руси начинают выводиться богатыри.

На другой день Чичиков отправился на обед и вечер к полицеймейстеру, где с трёх часов после обеда зашли в вист и играли до двух часов ночи. Там, между прочим, он познакомился с помещиком Ноздрёвым, человеком лет тридцати, разбитным малым, который ему после трёх-четырёх слов начал говорить «ты». С полицеймейстером и прокурором Ноздрёв тоже был на «ты» и об-

ращался по-дружески; но когда сели играть в большую игру, полицеймейстер и прокурор чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки и следили почти за всякою картою, с которой он ходил. На другой день Чичиков провёл вечер у председателя палаты, который принимал гостей своих в халате, несколько замасленном, и в том числе двух каких-то дам. Потом был на вечере у вице-губернатора, на большом обеде у откупщика, на небольшом обеде у прокурора, который, впрочем, стоил большого; на закуске после обедни, данной городским главою, которая тоже стоила обеда. Словом, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и в гостиницу

приезжал он с тем только, чтобы заснуть. Приезжий во всём как-то умел найтиться и показал в себе опытного светского человека. О чём бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе — он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведённого казённою палатою, — он показал, что ему небызвестны и судейские проделки; было ли рассуждение о бильярдной игре — и в бильярдной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели — и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах; об выделке горячего вина — и в горячем вине знал он прок; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках — и о них он судил так, как будто бы сам был и чиновником и надсмотрщиком. Но замечательно, что он всё это умел облекать какою-то степенностью, умел хорошо держать себя. Говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует. Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек. Все чиновники были до-

вольны приездом нового лица. Губернатор об нём изъяснился, что он благонамеренный человек; прокурор — что он дельный человек; жандармский полковник говорил, что он учёный человек; председатель палаты — что он знающий и почтенный человек; полицеймейстер — что он почтенный и любезный человек; жена полицеймейстера — что он любезнейший и обходительнейший человек. Даже сам Собакевич, который редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны, приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и лёгши на кровать возле худощавой жены своей, сказал ей: «Я, душенька, был у губернатора на вечере и у полицеймейстера обедал, познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!» На что супруга отвечала: «Гм!» — и толкнула его ногою.

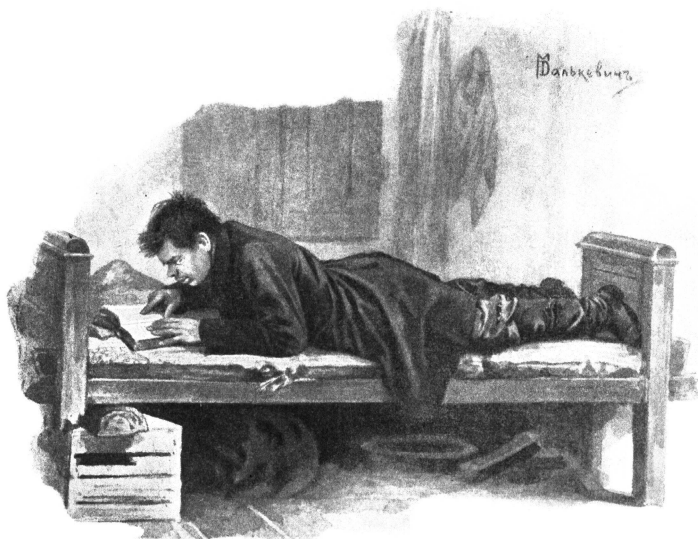
Такое мнение, весьма лестное для гостя, составилось о нём в городе, и оно держалось до тех пор, покамест одно странное свойство гостя и предприятие, или, как говорят в провинциях, пассаж, о котором читатель скоро узнает, не привело в совершенное недоумение почти всего города.

Глава II

Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам и обедам и, таким образом, проводя, как говорится, очень приятно время. Наконец он решался перенести свои визиты за город и навестить помещиков Манилова и Собакевича, которым дал слово. Может быть, к сему побудила его другая, более существенная причина, дело более серьёзное, близшее к сердцу... Но обо всём этом читатель узнает постепенно и в своё время, если только будет иметь терпение прочесть предлагаемую повесть, очень длинную, имеющую после раздвинуться шире и просторнее по мере приближения к концу, венчающему дело. Кучеру Селифану отдано было приказание рано поутру заложить лошадей в известную бричку; Петрушке приказано было оставаться дома, смотреть за комнатой и чемоданом. Для читателя будет не лишним познакомиться с сими двумя крепостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они лица не так заметные, и то, что называют, второстепенные или даже третьестепенные, хотя главные ходы и пружины поэмы не на них утверждены и разве кое-где касаются и легко зацепляют их, — но автор любит чрезвычайно быть обстоятельным во всём и с этой стороны, несмотря на то, что сам человек русский, хочет быть аккуратен, как немец. Это займёт, впрочем, немного времени и места, потому что немного нужно прибавить к тому, что уже читатель знает,

то есть что Петрушка ходил в несколько широком коричневом сюртуке с барского плеча и имел, по обычаю людей своего звания, крупный нос и губы. Характера он был больше молчаливого, чем разговорчивого; имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно всё равно похождение ли влюблённого героя, просто букварь, или молитвенник, — он всё читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от неё бы не отказался. Ему нравилось не то, о чём читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чёрт знает что и значит. Это чтение совершалось более в лежачем положении в передней, на кровати и на тюфяке, сделавшемся от такого обстоятельства убитым и тоненьким, как лепёшка. Кроме страсти к чтению, он имел ещё два обыкновения, составлявшие две другие его характерические черты: спать не раздеваясь, так, как есть, в том же сюртуке, и носить всегда с собою какой-то свой особенный воздух, своего

собственного запаха, отзывавшийся несколько жилым покоем, так что достаточно было ему только пристроить где-нибудь свою кровать, хоть даже в необитаемой дотоле комнате, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что в этой комнате лет десять жили люди. Чичиков, будучи человек весьма щекотливый и даже в некоторых случаях привередливый, потянувши к себе воздух на свежий нос поутру, только помарщивался да встряхивал головою, приговаривая: «Ты, брат, чёрт тебя знает, потеешь, что ли. Сходил бы ты хоть в баню». На что Петрушка ничего не отвечал и старался тут же заняться каким-нибудь делом: или подходил с щёткой к висевшему барскому фраку, или просто прибирал что-нибудь. Что думал он в то время, когда молчал? — может быть, он говорил про себя: «И ты, однако ж, хорош; не надоело тебе сорок раз повторять одно и то же...» Бог ведает, трудно знать, что думает дворовый крепостной человек в то время, когда ба-

рин ему даёт наставление. И так, вот что на первый раз можно сказать о Петрушке. Кучер Селифан был совершенно другой человек... Но автор весьма совестится занимать так долго читателей людьми низкого класса, зная по опыту, как неохотно они знакомятся с низкими сословиями. Таков уже русский человек: страсть сильная зазнаться с тем, который бы хотя одним чином был его повыше, и шапошное знакомство с графом или князем для него лучше всяких тесных дружеских отношений. Автор даже опасается за своего героя, который только коллежский советник. Надворные советники,

может быть, и познакомятся с ним, но те, которые по-добрались уже к чинам генеральским, те, бог весть, может быть, даже бросят один из тех презрительных взглядов, которые бросаются гордо человеком на всё, что ни пресмыкается у ног его, или, что ещё хуже, может быть, пройдут убийственным для автора невниманием. Но как ни прискорбно то и другое, а всё, однако ж, нужно возвратиться к герою. Итак, отдавши нужные приказания ещё с вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись с ног до головы мокрой губкой, что делалось только по воскресным дням, — а в тот день случилось воскресенье, — выбрившись таким образом, что щёки сделались настоящий атлас в рассуждении гладкости и лоска, надевши фрак брусничного цвета с искрой и потом шинель на больших медведях, он сошёл с лестницы, поддерживаемый под руку то с одной, то с другой стороны трактирным слугою, и сел в бричку. С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу. Проходивший поп снял шляпу, несколько мальчишек в замаранных рубашках протянули руки, приговаривая: «Барин, подай сиротиньке!» Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запятки, хлыснул его кнутом, и бричка пошла прыгать по камням. Не без радости был вдали узрет полосатый шлагбаум, дававший знать, что мостовой, как и всякой другой муке, будет скоро конец; и, ещё несколько раз ударившись довольно крепко головою в кузов, Чичиков понёсся наконец по мягкой земле. Едва только ушёл назад город, как уже пошли писать по нашему обычаю чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор. Попадались вытянутые по снурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова,

покрытые серыми крышами с резными деревянными под ними украшениями в виде висячих, шитых узорами утиральников. Несколько мужиков по обыкновению зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах. Бабы с толстыми лицами и перевязанными грудями смотрели из верхних окон; из нижних глядел телёнок или высовывала слепую морду свою свинья. Словом, виды известные. Проехавши пятнадцатую версту, он вспомнил, что здесь, по словам Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетела мимо, а деревни всё не было видно, и если бы не два мужика, попавшиеся навстречу, то вряд ли бы довелось им потрафить на лад. На вопрос: «Далеко ли деревня Заманиловка?», — мужики сняли шляпы,

